

Аллахвердов В. М.

Двенадцать заповедей психологии¹

Уже когнитивизм и конструктивизм утверждает: сознание живет в мире собственных конструкций — потому, кстати, этот мир и является субъективным. Действительно, соглашается психологика, сознание не столько отражает реальность, сколько пытается её реконструировать (точнее — угадать). Возможность угадывать и проверять сделанные догадки открывает для сознания совершенно новые возможности в познании: если догадка окажется правильной, сознание будет знать об окружающем мире то, о чём оно, казалось бы, никак не могло узнать, ибо не получало об этом никакой реальной информации. Однако сознание — вопреки стандартному представлению — само никаких конструктов не создает. Их порождение происходит автоматически, совершенно неосознанно, в лучшем случае осознается только результат конструирования. Поэтому, в частности, появление гениальных идей в головах великих людей не было заслугой их сознания. Впрочем, гении и сами обычно признавались, что не знают, откуда эти идеи к ним пришли. Заслуга творцов — не в порождении оригинальных идей, а в серьезном отношении к тем идеям, которые, на первый взгляд, кажутся совершеннейшей ахинеей и должны быть отброшены².

Однажды я написал, что подлинное научное исследование — это «тривиализация обоснованной ахинеи» (и даже вынес эти слова в название статьи). Это значит: вначале ахинею надо осознать как мысль, достойную внимания, потратить немалые силы для ее обоснования (а кто ж, кроме чудаков, может надеяться на успешность обоснования заведомой ахинеи), ну, а потом — в идеале — еще и так ее описать, чтобы она казалась самой собой разумеющейся.

Приведу несколько развиваемых далее положений психологии, отчетливо осознавая, что это только эскиз не до конца законченных

¹ *Аллахвердов В. М. и др.* Экспериментальная психология познания: Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 22–31.

² Слово «ахинея» этимологически восходит к слову «мудрость», к *афинеи* — предполагают, что обыватели именно так отзывались о мудрствовании афинских философов.

построений, направление размышлений, а не их итог. (Более того, даже этот эскиз не полон — см. подробнее: Аллахвердов, 1993, 2000, 2001, 2003.) В лучшем случае, вторя И. Ньютону, это всего лишь разноцветные камешки, найденные на берегу океана неизведанного. Действительно, многое остается содержательно неясным, не говоря уже о не полностью устоявшейся терминологии. В той или иной форме приводимые ниже положения мной уже обсуждались и обосновывались. Но, разумеется, о них будет еще много говориться впереди, и тем самым, возможно, удастся приблизиться к тому, чтобы они стали выглядеть еще более обоснованными и очевидными.

1. В мире сознания всё детерминировано и взаимосвязано (или, иначе говоря, всё наполнено смыслами). Содержание сознания — мир осознанных догадок — заведомо конструируется так, будто природа действует по заранее заданным правилам, и надо лишь эти правила угадать. Всеобщая детерминированность и взаимосвязанность сознательных явлений означает также, что эти явления подлежат непротиворечивому описанию. Сознание вообще не терпит ни случайностей, ни противоречий. Столкнувшись с любым случайным явлением, сознание приписывает ему статус закономерного, ищет более-менее подходящие причины этого явления.

2. Мозг всегда готовит к осознанию одновременно несколько конструкторов, по-разному интерпретирующих детерминацию явлений. Существует специальный механизм, назовем его механизмом осознания³, принимающий решение, какой из подготовленных конструкторов ввести в содержание сознания, осознать (далее будем также говорить: сделать *позитивный выбор*), а какие — отвергнуть (сделать *негативный выбор*). Сам процесс принятия решения об осознании (и, тем более, о неосознании) не может осознаваться, потому что, как уже сказано ранее, нельзя осознать то, об осознании чего еще не принято решения. Поэтому и работа такого механизма не может осознаваться, осознается только результат этой работы.

³ Ранее я называл этот механизм механизмом сознания. И возникала путаница, так как не всегда удавалось ясно развести, где речь идет о сознании, а где — о механизме сознания. Наверное, «механизм осознания» удобнее и понятнее. Далее в тексте, однако, может использоваться и более ранний термин.

3. Позитивный выбор подчиняется ряду психологических законов (их и пытается обнаружить психологика). В частности, наблюдается последствие позитивного выбора (то, что однажды было осознано, имеет тенденцию осознаваться и в следующий раз — гештальтисты сходный закон называли законом последствия фигуры). Однако законы осознания всегда выступают лишь как статистическая тенденция, как некое распределение вероятностей возможного выбора. В противном случае содержание сознания за счет последствия позитивного выбора быстро бы стабилизировалось⁴. Последствие позитивного выбора означает, что исходное распределение вероятностей все время изменяется: увеличивается частота наиболее часто делаемых выборов и падает частота редких. Таким образом, роль случайности выбора по мере развития и взросления человека постоянно уменьшается, но никогда, пока работает сознание, полностью не исчезает.

4. Само сознание конструкторов не создает, оно может только строить логические комбинации из этих конструкторов. Если оно не удовлетворено данным позитивным выбором, то имеет возможность запрашивать новые конструкторы до тех пор, пока не признает сделанный выбор удачным. По-видимому, и это соответствует взглядам многих авторов, основанием для удовлетворенности — неудовлетворенности служит, прежде всего, оценка взаимосогласованности (логической непротиворечивости) новых конструкторов с общей картиной мира, ранее созданной сознанием, или с частной картиной — с описанием наличной ситуации. Я раньше не формулировал это положение в явном виде, так как мало понимаю, как это может происходить. Но убежден, что нечто подобное происходит.

5. Главная задача сознания — проверка выбранных конструкторов (сделанных догадок). Потому оно, вообще говоря, способно исправить ошибочную догадку (гипотезу) или даже вообще от неё отказаться. Вся сознательная человеческая деятельность направлена на организацию проверочных действий (что не отрицает существование действий по поддержанию жизнеобеспечения). Всё, что порождается сознанием, как

⁴ Синергетики говорят так: «Чтобы быть продуктивным, познание должно периодически погружаться в хаос» (ср.: Finke, Bettel, 1996).

и то, что его порождает, является инструментом или следствием проверочной деятельности. В частности, создание языка общения между людьми, развитие трудовой деятельности — всё это возникло именно как важный способ проверки собственных гипотез. И не под давлением тяжелых жизненных обстоятельств, как обычно считается, а, наоборот, в наиболее комфортных условиях, когда было свободное время для активной работы сознания — для создания новых форм проверочной деятельности. (Древние говорили: праздность — мать всех наук, я же добавляю: праздность — разумеется, в том греческом понимании, в какой она мать наук, — заодно еще и мать общения, труда, любви, вообще всего конструктивного, что создало человечество).

6. Тем не менее сознание очень консервативно и до того, как отказаться от догадки, не соответствующей результату проверочной деятельности, всячески пытается защитить свои гипотезы от опровержения. Само сознание, таким образом, выступает еще и как мощный защитный механизм. Оно бережно относится к однажды принятым конструктам и старается, пока это возможно, лишь совершенствовать их, не отвергать, а, корректируя, сохранять. Поскольку абсолютная истина никому не может быть ведома, то и никакие осознанные конструкты не могут точно описывать ни одну ситуацию, а значит, их все время приходится корректировать (содержание сознания — это непрерывно изменяющийся поток, по У. Джеймсу).

7. Все действия сознания направлены на проверку позитивно выбранных конструктов, а потому оно всегда автоматически контролирует результаты собственных действий. И здесь сознание опять может попадать в логическую ловушку. Например, сознание не может осознанно игнорировать какие-то конкретные конструкты (не думать о них, не обращать на них внимания и т.п.). Ибо на стадии проверки правильности игнорирования те конструкты, которые должны были бы быть игнорируемыми, с логической неизбежностью становятся осознанными. Например, если поставлена задача: «не думать о бедном гусаре», то проверка: «не думаю ли я о бедном гусаре?» автоматически заставляет сделать то, чего делать нельзя, — подумать об этом бедолаге. Так возникают ошибки интерференции.

8. Постоянной характеристикой изменяющихся позитивно выбранных конструкторов оказывается устойчивое отвержение (неосознание) тех конструкторов, которые конкурировали с ними в процессе выбора. Негативный выбор, как показано мной в многочисленных экспериментах, обладает двунаправленным последствием. В той же ситуации, в которой однажды было решено некий конструктор не осознавать, наблюдается выраженная тенденция снова не осознавать этот конструктор. Однако при смене ситуации наблюдается обратная тенденция — то, что ранее было неосознанно, внезапно и в неподходящий момент имеет тенденцию стать осознанным. По-видимому, при попадании в иную ситуацию ранее негативно выбранные решения еще какое-то время остаются актуализированными в механизме осознания, т.е. подготовленными к осознанию, но с них снимается маркировка негативного выбора. Поэтому они могут внезапно «всплыть» в сознании (в психологии творчества эти эффекты обычно связываются с фазами инкубации и инсайта). Так, после безуспешных попыток вспомнить очередную «лошадиную фамилию» воспоминание все же приходит, но, как правило, в тот момент, когда мы уже задумываемся о чем-то ином. Пусть, например, сознание ученого хочет разрешить противоречие между существующей теорией и полученными экспериментальными данными (т.е. старается так изменить теорию или данные, чтобы они соответствовали друг другу). Если удовлетворительное разрешение противоречия вначале было негативно выбрано, то пока задача трактуется как *та же самая*, негативно выбранные контексты понимания задачи и соответствующие им варианты решения рассматриваться сознанием не будут. Пока позитивно выбранный вариант не приводит к решению, сознание запрашивает новые догадки, однако в силу законов последствия выбирает действительно *новые* догадки, а не те, которые оно уже отвергло. Но вот ученый отвлекается на время от решения основной задачи и начинает делать что-нибудь другое (играть в бильярд, спать или мыть посуду). В этот момент ранее заблокированное решение основной задачи имеет тенденцию попасть в сознание (в виде ошибки, ассоциации и пр.). Заметим также, что последствие

негативного выбора возможно только в том случае, если механизм осознания хранит сведения о ранее неосознанном.

9. Появление в сознании конструкта, обеспечивающего решение задачи, в момент, когда сознание эту задачу не решает, само по себе не может привести к успеху. И тут свою роль начинают играть эмоции. Эмоции сообщают сознанию о событиях, происходящих в неосознаваемой сфере. Правда, они не могут непосредственно передавать содержание неосознаваемого, но способны сообщить о результате сличения осознаваемого с неосознаваемым. В данном случае происходит автоматическое сличение наличного конструкта, актуально данного сознанию, и задачи, которая в этот момент в сознании не актуализирована, но не является негативно выбранной. Эмоциональный сигнал сообщает: решение задачи найдено. (Подобное явление реально наблюдается, в школе О. К. Тихомирова оно называлось эмоциональным предвосхищением решения задачи — см.: Тихомиров, 1969; Виноградов, 1975; Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980, и др.) Проблема, однако, в том, что испытуемый в этот момент не осознает, какую именно задачу он решил. Эмоциональный сигнал указывает тем самым, что теперь надо лишь найти саму задачу.

10. Сознание обладает возможностью воздействовать на управляющие структуры мозга, а потому способно управлять организмом. Однако мочь не значит уметь. Изначально сознание просто не знает, что именно ему надо делать, чтобы решить стоящую перед ним задачу. Поэтому поступает точно так же, как и в познании окружающего мира: осознает гипотезы об управлении организмом и их проверяет. Организм может сделать только то, что может. Хотя умеет он много больше, чем мы сегодня знаем, он не может научиться решать задачу, требующую от него выполнения действий, которых он заведомо сделать не может. Вопреки представлениям физиологов и бихевиористов, научается решать те или иные задачи не организм (путем загадочного упрочения никому не ведомых таинственных связей), а сознание, которое ставит задачи и научается так управлять мозгом,

чтобы, используя возможности организма, направить их на решение поставленных задач⁵.

11. Поскольку сознание не имеет доступа к работе механизма осознания, то причина появления в сознании тех или иных конструктов сознанию неизвестна. Но строго в соответствии со сказанным выше сознание все равно должно рассматривать процесс порождения собственных мыслей как процесс закономерный. Иначе говоря, оно вынужденно строить догадки о причинах собственных мыслей. По существу, эти догадки и есть представление о самом себе, о своей самости. Представление о самом себе (как причине собственных мыслей и действий) начинают строиться в весьма раннем возрасте и, разумеется, не могут адекватно отражать реальную деятельность механизмов сознания. Представление о самом себе зачинается как некая концептуальная ошибка, объясняющая причины такого своего поведения, которое человек не понимает и о чем не имеет реальной информации, которая позволила бы ему это своё поведение правильно объяснить. Однако далее в течение жизни сознание будет постоянно проверять свое представление о себе, стараясь его подтвердить, защитить его от опровержения⁶. Это значит, что оно так трактует собственные мысли и так организует деятельность, чтобы соответствовать придуманному конструкту о самом себе. Тем самым изначально заведомо ложный конструкт становится правдой. Разве можно называть концептуальной ошибкой такое представление человека о себе, если он почти всю свою жизнь ведёт себя в соответствии с этим представлением? Однажды сделанная ошибка далее перестает быть ошибкой. Иллюзия обращается в истину, поскольку реально управляет нашими мыслями, чувствами и поведением. Так представление о самом себе превращает человека в

⁵ Разумеется, возможности организма меняются в зависимости от уровня созревания, физического состояния, наличия травм и пр., но увеличение роста так же не стоит считать научением, как и повреждение глаза. Рискну процитировать сам себя: «У ребенка происходит созревание мышечной массы, но этот процесс протекает независимо от задач научения. Так, узкие ботинки постепенно изнашиваются, но нельзя же всерьез считать, что они научаются» (Аллахвердов, 2003, с.106).

⁶ З. Фрейд: «Когда дело доходит до самооправдания, тут все мы гении» (цит. по: Грановская, Крижанская, 1994, с.18).

самого себя. (Выше подобный переход правды в ложь, а лжи в правду я называл обманкой сознания.)

12. Представление о собственной самости как основополагающей причине своих мыслей и своего поведения должно предполагать, что самость каким-то образом способна (*самостоятельно*, вне зависимости от других факторов) порождать мысли и действия сознания. Но это и значит, что самость осознается как обладающая свободой воли: мол, что она захочет, то и воротит. Как сознание может проверить этот конструкт? Обычно считается, что свободное действие — это действие, ничем не обусловленное, ничем не детерминированное. И это приводит к противоречиям. Дабы избавиться от противоречий, достаточно признать свободным то действие, которое всё-таки детерминировано, но детерминировано лишь тем, что оно не детерминировано *ничем*. Вспомним известное требование русских сказок: «Иди туда, не знаю куда, и сделай то, не знаю что». Как ни странно, это требование логически выполнимо! Вот стоит богатырь на распутье и думает: в прошлый раз я пошёл по правой дороге и теперь знаю, что там находится, по левой же я ещё не ходил, а поскольку мне надо идти туда, не знаю, куда, то пойду-ка я по дороге налево.

В подобных указаниях тем самым нет логического противоречия. Так же должен вести себя гипотетический механизм осознания, если он хочет предложить сознанию совершить ничем не детерминированное действие. Любой организм обладает некоторым набором возможных действий. Предположим, что механизм осознания способен выделить все действия из этого набора, которые хоть чем-нибудь реально обусловлены (программами жизнеобеспечения, наличной ситуацией, прошлым опытом, системой ценностей — не важно, чем именно)⁷. Очевидно также, что в полном репертуаре всех возможных действий всегда найдутся и другие известные механизму осознания действия, которые в принципе осуществимы, но основания для их осуществления

⁷ Идеализированное рассмотрение позволяет в чистом виде продемонстрировать логическую возможность действия, заведомо детерминированного только тем, что оно ничем не детерминировано. На самом же деле, не обязательно приписывать этому механизму столь фантастические возможности — он может принимать свободные решения, выбирая такое действие из доступного ему набора действий, которое не вызывается никакой известной ему причиной.

в данный момент отсутствуют. Такие действия не соответствуют ни внутренним потребностям организма, ни необходимостью реакции на поступающую информацию. Осуществление любого такого действия и есть, по сути, осуществление действия, которого нет никаких оснований делать. И сознание, разумеется, тут же создает новую обманку. Ведь оно должно найти причину своих собственных действий, выбранных случайным образом исключительно для подтверждения гипотезы о свободе выбора. Однако нельзя найти реальную причину у действий, которые детерминированы тем, что они ничем не детерминированы. Но как только некая иллюзорная причина будет придумана, поступок перестает трактоваться как ничем не детерминированный, а начнет интерпретироваться как поступок, предопределенный этой гипотетической причиной. Итак, стоит сознанию подтвердить гипотезу о свободе выбора, совершив некое ничем не детерминированное действие, как оно тут же это свое подтверждение опровергает, поскольку приписывает данному действию причину. Поэтому представление о свободе в сознании всегда дано противоречиво. Отсюда и появляются как разговоры о «кажимости свободы» (П. В. Симонов), о свободе как самообмане (И. М. Сеченов), так и конструкции типа «свобода, несмотря на детерминизм».

Некоторые из приведенных положений высказывались другими авторами, правда, со своими всегда очень разными акцентами. И всё-таки надеюсь, что хоть какие-нибудь из сделанных положений противоречат интуиции, вызывают чувство, что «такого не может быть, потому что не может быть никогда» (тогда это действительно может претендовать на высокую ахинею). Подобные переживания очень ценны, хоть и не сразу, но они позволяют верить в правильность избранного пути. Не менее важно, что приведенные положения логически взаимосвязаны. Это позволяет дедуктивно выводить из них новые утверждения, которые далее уже можно проверять в исследованиях... Конечно, сделанный набросок еще весьма далек от построения законченной теории. Думаю, что одна из ближайших задач — более внятное описание когнитивных структур, обеспечивающих сознательную деятельность. Так и тянет вводить понятия типа «предсознание», «подсознание» и т.п., но именно поэтому,

полагаю я, не стоит спешить, а следует внимательнее присмотреться к результатам экспериментальных исследований, чтобы точнее понять (угадать) психологическую реальность, а не скрывать свою догадку, используя уже занятые другими теориями термины.

Литература

Аллахвердов В. М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.

Аллахвердов В.М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб., 2001.

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М., 1980.

Виноградов Ю.Е. Эмоциональная активность в структуре мыслительной деятельности // Психологические исследования творческой деятельности. М., 1975.

Грановская Р.М., Крижанская Ю.С. Творчество и преодоление стереотипов. СПб., 1994.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.

Finke R., Bettle J. Chaotic Cognition: Principles and Application. New Jersey, 1996.